

Елена Фролова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Магистрант

ORCID: 0000-0002-0857-4071

Фридрих Горенштейн и Василий Шукшин: некролог как диагноз

Аннотация. Публикация неизвестного ранее полного текста некролога Фридриха Горенштейна на смерть Василия Шукшина, написанного в 1974 году. Некролог был известен в среде московской творческой интеллигенции 1970-х гг., но пути его распространения остаются неясными. В этот период очерк Горенштейна воспринимался как проявление зависти к более успешному коллеге. Кинооператор Анатолий Заболоцкий в 1997 г. и писатель Алексей Варламов в 2015 г. выдвинули две разные версии о появлении текста. Обе они, однако, вызывают сомнение после обнаружения полного текста Горенштейна под названием «Алтайский воспитанник московской интеллигенции (вместо некролога)», хранящегося в архиве Исследовательского центра изучения Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Опубликованный Заболоцким и Варламовым вариант некролога предстает как набор отдельных фрагментов, где писательское внимание сконцентрировано на фигуре и творчестве Шукшина. Знакомство с полным текстом заставляет предположить, что для Горенштейна скоропостижная смерть Шукшина стала поводом для рассуждения о московской интеллигенции. В предваряющей публикацию статье проведено также сопоставление текста очерка с фрагментами из ранее неопубликованных записных книжек Фридриха Горенштейна.

Ключевые слова: Фридрих Горенштейн, Василий Шукшин, некролог, интеллигенция, архив.

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.07

Для цитирования: Фролова Е. В. Фридрих Горенштейн и Василий Шукшин // Judaic-Slavic Journal. 2024. № 11–12 (2024). С. 207–223.

Статья поступила: 08.12.2024. *Принята к публикации:* 18.12.2024.

В литературном наследии Фридриха Горенштейна (1932–2002) произведений, история публикаций которых вызывает вопросы, немного. Самым

загадочным в этом коротком списке является очерк «Вместо некролога на смерть Василия Шукшина». Текст не был опубликован в подцензурной печати, но о нем было хорошо известно близким Василия Шукшина и представителям московской литературной среды. Сам очерк, как и взаимоотношения писателей, никогда не привлекал внимания специалистов по творчеству Горенштейна. Тем не менее, близкие к Шукшину люди часто упоминали об этом очерке как о примере проявления зависти неудачника Горенштейна к более успешному коллеге.

Существует несколько противоречащих друг другу версий об обстоятельствах публикации очерка. Сам Фридрих Горенштейн не отдавал текст некролога для публикации. Очерк Горенштейна на смерть Шукшина был впервые опубликован в книге постоянного кинооператора Шукшина Анатолия Заболоцкого «Шукшин в жизни и на экране: записки кинооператора» в 1997 г. [Заболоцкий 2019]. В 2017 г. под заголовком «Кому в угоду перелопачивают Шукшина?» Заболоцкий опубликовал в журнале «Наш современник» рецензию на биографию Василия Шукшина, написанную Алексеем Варламовым для серии «Жизнь замечательных людей» [Заболоцкий 2017, 266–273]. В этой рецензии вновь затрагивается история появления очерка Горенштейна. И в книге, и в рецензии Заболоцкий утверждает, что рукопись под названием «Вместо некролога на смерть Василия Шукшина», подписанная Фридрихом Горенштейном, распространялась в самиздате и звучала в передачах зарубежных «голосов».

...рукопись «Вместо некролога» появилась сразу после смерти Шукшина, и весь год густо распространялась в самиздате и радиоголосах... Я в своей рукописи «Шукшин в кадре и за кадром» процитировал Горенштейна еще в 1976 году без комментариев, как мерзость, говорящую саму за себя [Заболоцкий 2017, 266].

Однако на сегодняшний день исследователями не найдено ни одной самиздатской копии некролога.

Другой версии придерживается писатель Алексей Варламов (именно о ней как о намеренно недостоверной пишет в своей рецензии Заболоцкий). В биографии Василия Шукшина для серии «Жизнь замечательных людей» Варламов пишет, что очерк был найден в архиве Фридриха Горенштейна после его смерти.

Это высказывание Горенштейна принято называть «некрологом». Опубликованное много лет спустя после смерти и Василия Макаровича, и Фридриха Наумовича, оно было обнаружено в архиве последнего, и теперь трудно сказать, желал или нет соавтор Андрея Тарковского, чтобы эти строки увидели свет, или же просто выплеснул раздражение. Но преданные гласности слова Го-

ренштейна стали литературным фактом, на который гневно отреагировали друзья Шукшина Василий Белов и Анатолий Заболоцкий [Варламов 2015, 7].

В приведенном отрывке присутствует фактическая ошибка. Первые реакции друзей Шукшина Василия Белова и Анатолия Заболоцкого появились в печати в 1994 г., а Горенштейн скончался в 2002-м. Таким образом, версия Варламова об обнаружении некролога в архиве Горенштейна не подтверждается.

И Заболоцкий, и Варламов приводят один и тот же текст с одинаковым названием «Вместо некролога на смерть Василия Шукшина». Начало абсолютно не типично для жанра некролога.

Что же представлял из себя этот рано усопший идол? В нем худшие черты алтайского провинциала, привезенные с собой и сохраненные, сочетались с худшими чертами московского интеллигента, которым он был обучен своими приемными отцами... В нем было природное бескультурье и ненависть к культуре вообще, мужичья, сибирская хитрость Распутина, патологическая ненависть провинциала ко всему на себя не похожему, что закономерно вело его к предельному, даже перед лицом массовости явления, необычному юдофобству. От своих же приемных отцов он обучился извращенному эгоизму интеллигента, лицемерию и фразе, способности искренне лгать о вещах ему незнакомых, понятиям о комплексах, под которыми часто скрывается обычная житейская пакостность. Обучился он и бойкости пера, хоть бойкость эта и была всегда легковесна [см. публикацию в: Варламов 2015, 7; Заболоцкий 2019, 97].

Отрицательную реакцию друзей Василия Шукшина на приведенный текст можно понять. Вопрос об авторстве некролога оставался открытым. Исследователь творчества Фридриха Горенштейна Юрий Векслер допускал возможность, что текст является фальсификацией. Эти соображения высказаны им в переписке с писателем Евгением Поповым, к которому Векслер обратился за комментарием. Попов был знаком и с Горенштейном, и с Шукшиным. На Попова как на источник своих сведений о взаимоотношениях Шукшина и Горенштейна также ссылается Алексей Варламов [Варламов 2015, 240]. Юрий Векслер предоставил мне свою личную переписку с Евгением Поповым:

[Из письма Юрия Векслера Евгению Попову от 30.05.2014]:

Мне же не дает покоя тон, в котором (якобы) Горенштейн написал текст на смерть Шукшина. Не думаю, что Фридрих хотел публиковать это (если это точно он написал, доказательств нет), но текст попал в интернет в 90-е годы, еще при жизни Горенштейна.

[Из письма Евгения Попову Юрию Векслеру от 30.05.2014]:

Я думаю, что это ужасный текст конечно же Фридриха. Раздраженного, усталого Фридриха, заговорившего вдруг устами персонажа «Места». Опровергать и спорить с этим нет сил¹.

Версия о фальсификации отпадает после ознакомления с оригиналом Горенштейна, сохранившимся в фонде писателя в архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете². Заболоцкий и Варламов приводят текст в сокращенном виде и с другим названием. Краткая версия некролога, представленная Заболоцким и Варламовым, – это семь абзацев, а вариант из архива Горенштейна содержит шестнадцать; архивный, то есть полный, вариант озаглавлен «Алтайский воспитанник московской интеллигенции (вместо некролога)» (а не «Вместо некролога на смерть Василия Шукшина»). Горенштейн как в названии, так и в самом тексте избегает упоминаний имени и фамилии покойного, предпочитая называть его «алтаец» или «алтайский приемьш». Расшифровка не вызывает сомнений.

Опубликованный краткий вариант текста начинается с вопроса: «Что же представлял из себя этот рано усопший идол?» В тексте из архива Горенштейна так начинается четвертый абзац, то есть в публикациях Заболоцкого и Варламова полностью пропущена вступительная часть, хотя, на мой взгляд, именно вступление имеет ключевое значение для этого текста. Приведу его здесь:

Русская интеллигенция всегда искала повода для народопоклонства, ибо из всех народов только в России такая сама себя неуважающая интеллигенция. Здесь, во-первых, отразился национальный характер вообще и положение русской интеллигенции в частности. Положение испокон веков совершенно без власти и на содержании государства, которое ее подкармливало иногда скудно, иногда жирно.

Прямые потомки русской интеллигенции, современная московская интеллигенция унаследовала худшие черты прошлого, утратив лучшие. Ведь лик интеллигентного либерала в прошлом еще как-то подкрашивался исходящим от отдельных мудрецов и праведников светом.

Но праведников давно не стало, и последних праведников хоронили уже вовсе без почета. Весь почет на похоронах достался алтайскому приемьшу. В этом алтайце московский интеллигент, которому значительное присутствие еврейско-русофильского элемента придало черты клинического ма-

¹ Здесь и далее фрагменты из этой переписки цитируются с разрешения ее участников.

² Archive der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen (далее – FSO). FSO 01-173 Gorenštejn.

зохиста, в этом алтайце интеллигент нашел идола, столь долгожданного, а шовинист нашел вождя [FSO. F. 01-173]³.

В обоих вариантах – архивном и опубликованном – присутствует критика личности и творчества Василия Шукшина. Однако в архивном тексте писатель высказывается не столько о Шукшине, он пишет иронический некролог всей московской интеллигенции 1970-х гг. В литературном и кинематографическом сообществе Фридрих Горенштейн был известен своим тяжелым, конфликтным характером, со многими коллегами у него были сложные отношения [Лазарев 2005, 260].

Впервые о Горенштейне как о прозаике заговорили в 1964 г., после публикации рассказа «Дом с башенкой» [Горенштейн 1964, 47–58], а в следующие почти тридцать лет широкому читателю о Горенштейне почти не было известно. Произведения Горенштейна дошли до массовой русской аудитории только после распада Советского Союза. Впрочем, имя писателя ассоциировалось не с литературой, а с кинематографом. Горенштейн сотрудничал с Андреем Тарковским в работе над сценариями к фильмам «Андрей Рублев» (1966, в титрах не указан) и «Солярис» (1972). Другая известная киноработа Фридриха Горенштейна – сценарий к кинофильму Никиты Михалкова «Раба любви» (1975). Кроме того, он был автором сценариев для «Первого учителя» (1965) Андрея Кончаловского и «Седьмой пули» (1973) Али Хамраева.

Именно середина 1970-х гг. стала периодом творческого расцвета Горенштейна. За короткий промежуток времени он создал свои лучшие произведения: «Псалом: роман-размышление о четырех казнях Господних» (1975) и роман «Место» (1976), а также драму для чтения «Бердичев» (1975). Друзья Фридриха Горенштейна считали, что отсутствие успеха Горенштейна-писателя у читателя напрямую связано с неприятием его прозы той самой московской интеллигенцией. Судя по неопубликованным материалам из архива Горенштейна, сам он эту точку зрения разделял. Представители советской (или московской) интеллигенции в прозе писателя – это всегда объект сатиры. Таков, например, московский доцент Овечкис в пьесе «Бердичев». Персонаж представляет собой карикатуру на несимпатичную автору советскую интеллигенцию. Горенштейн дает своему герою «говорящую» фамилию. В пьесе Овечкис и Виля (*alter ego* автора) обсуждают еврейский вопрос, причем Овечкис изъясняется исключительно цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Речь московского доцента в диалоге с Вилей пропитана советской идеологией: Овечкис не говорит, а «блеет», – как и положено советскому философу-марксисту.

³ Здесь и далее цитируется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Василий Шукшин и Фридрих Горенштейн – провинциалы, приехавшие в Москву в зрелом возрасте. В Москве оба поступили в высшие учебные заведения⁴, занимались литературой и кинематографом. При сходном бэкграунде их творческие пути сложились по-разному. Шукшин довольно быстро стал частью московского творческого круга, куда Горенштейн так и не был принят. По записям из дневников Горенштейна середины 1970-х гг. очевидно, что фигура Шукшина его сильно интересовала. Можно предположить, что интерес продиктован попыткой отыскать параллели с собственной биографией. Схожий пассаж есть в полном варианте очерка на смерть Шукшина: «А ненавидел он всё и вся. Прежде всего евреев и интеллигентов, это само собой, но кроме того, также и алтайцев, за то, что он оттуда, из отдаленной, незаметной провинции и москвичей за то, что он не оттуда... и прошлую свою бедность он ненавидел, и нынешнее свое богатство ненавидел» [FSO.F. 01-173]. Если заменить в этом фрагменте «алтайцев» на «бердичевских евреев», которых Горенштейн в своих произведениях (прежде всего в пьесе «Бердичев») изображал весьма неприятными людьми, то перед читателем окажется не характеристика Шукшина, а автохарактеристика Горенштейна.

В книге о Шукшине Алексей Варламов утверждает, будто Горенштейн «питался в своей зоологической ненависти к Шукшину одними лишь слухами, он, похоже, Василия Макаровича лично не знал и никаких прямых свидетельств о нем у него не было – иначе, наверное, что-нибудь вспомнил бы. К “наблюдениям” Фридриха Наумовича о Василии Макаровиче стоит добавить суждение прозаика Евгения Попова, лично знавшего обоих...» [Варламов 2015, 240]. Далее Варламов, со ссылкой на Евгения Попова, пишет, что Шукшин послужил прототипом для антисемита писателя Василия Чернокотова – одного из главных героев пьесы Горенштейна «Споры о Достоевском» (1973). Однако Варламов допускает фактическую ошибку: Шукшин и Горенштейн были лично знакомы. Этот факт подтверждает и Евгений Попов.

[Из письма Евгения Попова Юрию Векслеру от 30.05.2014]:

Дорогой Юрий, извините, что сразу не ответил... Итак, Горенштейн и Шукшин. Контакты между ними непременно были, хотя бы потому, что оба они частично принадлежали к миру кино, имели общих знакомых – Тарковского, Андрона и Никиту Михалковых. Фридрих действительно как-то мне сказал, что Чернокотов – «это твой Васька Шукшин».

⁴ Василий Шукшин окончил режиссерское отделение Всероссийского государственного института кинематографии (ВГИК) в 1960 г. Фридрих Горенштейн был слушателем на Высших сценарных курсах в 1962–1964 гг.

Главным подтверждением факта знакомства служат дневниковые записи Горенштейна. На протяжении нескольких лет писатель возвращался к размышлениям о Василии Шукшине. Дневники Горенштейна содержат воспоминания об их встречах – они познакомились в гостях у Андрея Тарковского в середине 1960-х гг. в Москве:

Когда лет 8–9 [назад. – *Примеч. Е. Ф.*] позвонили у Тарковского в дверь и так сложилось, что я открыл, передо мной некто стоял, как выяснилось позднее, Шукшин. С минуту ничего не спрашивал, на меня смотрел, а я на него. Что-то мне в нем показалось особенно нехорошее и не то что внешний вид сразу мне стал враждебен, скуласт, нервен и не то, что пьян слегка, что-то в нем слишком дурное, не по человечески дурное... и только теперь я понял сознанием, то что я тогда чувством ощутил. Покойник передо мной стоял, молодой покойник, но не из тех кого рано болезнь съедает и не тот кто рано тяжелой судьбой своей надрывается, а тот покойник, кого рано Господь прибирает [FSO. F. 01-173].

Василий Шукшин стал прототипом антисемита Василия Чернокотова в пьесе «Споры о Достоевском». Сюжет произведения – обсуждение писателями и филологами рукописи работы об атеизме Достоевского. Горенштейн не уточняет институции, в которой разворачивается действие. На основе описания помещения можно предположить, что автор имеет в виду дом Союза писателей СССР, расположенный в бывшей дворянской усадьбе на Поварской улице: «Большая комната, или, вернее, небольшой зал в старом особняке, где любят размещаться современные творческие учреждения. С высокого потолка спускается тяжелая люстра – бронза и хрусталь... Потолок и стены отделаны красным деревом» [Горенштейн 2019, 17]. Один из участников полемики – бывший студент, лицо без определенных занятий, талантливый человек со скандальной репутацией.

Фридрих Горенштейн обыкновенно не маскирует прототипов своих персонажей, особенно это заметно в пьесе «Бердичев». Так что в том, что Шукшин является прототипом Чернокотова, нет никаких сомнений. Писатель наделил Чернокотова узнаваемыми шукшинскими чертами, самое явное пересечение – имя, однако обсуждается в пьесе и фамилия:

Чернокотов... Фамилия сибирская... Разбойничья... Не фамилия, а кличка... Фамилия – это закордонное слово... У нас на Руси испокон веков кличка была... Как, мол, тебя кличут? Говорят, казак Чернокот рядом с Ермаком Тимофеевичем плечом к плечу... Семейная легенда... Но Ермак Тимофеевич утонул в Иртыше, а Чернокот пробился сквозь татарские полчища и основал династию Чернокотовых [Горенштейн 2019, 21].

Упоминание о покорителе Сибири Ермаке Тимофеевиче необходимо Горенштейну, чтобы напомнить о другом казаке – Степане Разине. Разин был ключевой фигурой в творчестве Василия Шукшина: он появляется в нескольких произведениях писателя, например в рассказе «Стенька Разин» (1971). Главной работой об атамане стал роман «Я пришел дать вам волю» (1971), по мотивам которого Шукшин планировал снять трехсерийный фильм. Чернокотов (как и его прототип) воспринимает сибирское происхождение как повод для гордости.

Горенштейн наделяет своего персонажа характеристиками, присущими знаменитому выходцу с Алтая. Биограф Шукшина Алексей Варламов называет их «шукшинскими мифами» – это алкоголизм и антисемитизм. Судя по дневниковым записям и полной версии некролога для Горенштейна, алкоголизм Шукшина был его отличительной чертой: ни один текст Горенштейна о Шукшине не обошелся без упоминания об этой пагубной привычке. В приведенном выше фрагменте из дневника писателя, посвященному подробностям их знакомства в гостях у Андрея Тарковского, Шукшин был пьян. В неопубликованной версии некролога Горенштейн главными причинами смерти писателя называет ненависть и алкоголизм: «Эта тяжелая работа [сокрытие подлинных чувств – Е.Ф.] гораздо в большей степени чем водка расшатала его нервы» [FSO. F. 01-173]. Те же мотивы находим в дневниковой записи, сделанной Горенштейном в день смерти Шукшина: «Умер. Надорвал свое сердце водкой и чрезмерной ненавистью к евреям и интеллигентам. Пока был тощ, беден и молод ненависть эта даже усиливала работу сердца...» [FSO. F. 01-173].

Антисемитизм Шукшина остается вопросом дискуссионным. Алексей Варламов в подготовленной для серии «Жизнь замечательных людей» биографии Шукшина уделяет внимание обсуждению этого «шукшинского мифа», полагая, что этот «миф» сформировался на основе очерка Фридриха Горенштейна и воспоминаний Юрия Нагибина [Варламов 2015, 240–241]. В повести Нагибина «Тьма в конце тоннеля» (1994) Шукшин выведен под именем Виталий Шурпин. После премьеры фильма «Такая вот жизнь» (аллюзия на фильм Шукшина «Живет такой парень» 1964 г.) между пьяным Шурпиным – писателем, режиссером упомянутого фильма – и нарратором происходит драка, поводом к которой становится антисемитское высказывание Шурпина:

- Куда еще везти? – слишком саркастично для пьяного спросил Шурпин.
- Едем к вам.
- К нам нельзя. Гелле плохо. Праздник кончился.
- Жиду можно, а мне нельзя?
- ...Я взял его за ворот, под коленки и вынул из машины... В толпе на стоянке находился Валерий Зилов, злой карлик. Он стал распространять слухи, что я избил пьяного, беспомощного Шурпина [Нагибин 1994, 130–131].

Аналогичный конфликт представлен в «Спорах о Достоевском» Фридриха Горенштейна, всегда пристрастного в своих многочисленных антипатиях, особенно к коллегам-писателям. В «Спорах о Достоевском» антисемитизм Чернокотова – бесспорный факт. В репликах Чернокотова отсутствуют слова «еврей» и «еврейский», вместо них он использует презрительные «жид» и «жидовский»: «От жидовства смердит на Руси...»; «Странное дело, среди специалистов по Достоевскому много жидов, среди литературоведов» [Горенштейн 2019, 75, 72].

Впрочем, был ли Шукшин действительно «идейным» или «бытовым» антисемитом, для анализа очерка «Алтайский воспитанник московской интеллигенции (вместо некролога)» не имеет значения.

Горенштейн нередко затрагивал проблему антисемитизма в СССР в своих произведениях. К ней же он возвращался в своих записных книжках. В них нередко фигурирует собирательный образ антисемита по имени Василий. То есть из всех популярных русских имен, например Ваня или Алеша, писатель выбирает именно это имя. Возможно, для Фридриха Горенштейна условный антисемит Вася имел реальное воплощение в лице Василии Шукшина.

В записных книжках Горенштейна есть и отдельные записи о смерти Шукшина, ставшие, вероятно, отправной точкой для работы над текстом рассматриваемого здесь очерка. В отличие от архивного варианта и опубликованного Заболоцким и Варламовым сокращенного, в этих записях Горенштейн не стесняется в выражениях. Это обстоятельство указывает на то, что Горенштейн писал не для публики, а для себя. В приведенной ниже записи Горенштейн говорит о Шукшине как о представителе советской «черной сотни».

Подтекст Шукшина – ненависть ко всему нерусскому. А самое нерусское из всего не русского – это евреи ну и несколько [нрзб.] интеллигенция... В [19]54 г. попал в кино не в качестве сельского парня, а в качестве номенклатурного работника, которому тесна и неприятна алтайская неприятность. Но сообразил что Алтай его главный козырь против интеллигентов. Необходимость быть зависимым от либеральных евреев мучила его. Стал предельно нервен, а русский нервный человек из низов это обязательно алкоголик. Жил нервным черносотенцем. Впрочем черносотенцы испокон веков все нервные. Прописали его сталинисты-консерваторы после ВГИКа. Кочетов⁵.

⁵ Кочетов Всеволод Анисимович (1912–1973) – советский писатель. Занимал должность главного редактора «Литературной газеты» в 1955–1959 гг., позже возглавлял журнал «Октябрь». В 1960-е гг. выступил с критикой «Нового мира» под руководством А. Твардовского. Помог Шукшину с получением московской прописки и квартиры.

Такое впечатление, что недаром. Кочетов – это связь с органами. Но и этих решил обмануть. Для дела сталинисты-консерваторы, а для жизни выгоднее либеральные русофилы типа Твардовского [FSO.F. 01-173].

Оба известные нам варианта некролога заканчиваются описанием погребения Шукшина на Новодевичьем кладбище.

И когда топча рядом расположенные могилы, в которых лежали ничем не примечательные академики, генералы, даже отцы московской интеллигенции, приютившие некогда непутевого алтайца, когда топча эти могилы, толпа опустила своего пророка в недра привилегированного кладбища, тот у кого хватило ума стоять в момент этого общего шабаша в стороне, мог сказать глядя на все это:

– ТАК НИЩИЕ ДУХОМ ПРОВОДИЛИ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ СВОЕГО БЕСПУТНОГО ПРОРОКА [Варламов 2015, 385; FSO.F. 01-173].

Произведения Фридриха Горенштейна глубоко укоренены в христианских текстах. Словосочетание «нищие духом» отсылает к первой заповеди блаженства из Евангелия от Матфея: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5:3). Заповедь можно трактовать так: «нищие духом» блаженны, так как отрицают материальные блага ради служения и веры в заповеди Христа. Однако Горенштейн понимает это словосочетание иначе: современная московская интеллигенция состоит из «нищих духом» (то есть слабодушных) людей, уверовавших в «алтайского проходимца» как в своего «беспутного пророка». В слепой вере в «мужицкое» творчество Василия Шукшина писатель видел вырождение интеллигенции. Именно эта мысль возникает в самом начале очерка.

Остается неизвестным, присутствовал ли Горенштейн на похоронах Шукшина. По содержанию приведенной ниже дневниковой записи можно предположить, что присутствовал. По крайней мере, описание погребения в этом фрагменте весьма подробно.

Похороны Шукшина. Толпа. Перекрыто движение. Студенты много длинноволосых плач интеллигентов в микрофон, на кладбище давят окружающие могилы, протаскивают гроб в узком коридоре. Кого хоронят – актера, великого писателя, режиссера... Нет, [нрзб.] не похороны, а манифестация и хоронят политического вождя. Лишь раз [нрзб.] что фашизм в России будет рожден не [нрзб.] властью, а оппозицией. Хотя из консервативной власти мило готовы сотрудничать с ним на общей базе шовинизма. Фашизм ныне в джинсах [FSO. F. 01-173].

В архивном варианте очерка на смерть Шукшина приведено описание московской интеллигенции на похоронах, из него становится ясно,

кто на самом деле является мишенью критики автора. Смерть Шукшина – повод для высказывания, для уничижительной характеристики московской интеллигенции:

Похороны алтайца вылились в манифестацию разных групп, в эклектичное единство. Главное место занимала та основная группа русских националистов по природе своей, которых алтаец обучил национализму по духу. Вторую группу составляли те, кто без духовного роду и племени и получают свой достаток прямо и косвенно из рук первой группы. Были и случайные глупцы. Были и не случайные негодяи.

И все это кликушествовало искренне или фальшиво, выкрикивало и в микрофон уличные пивные рыдания типа:

– БРАТЦЫ! ГОРЕ-ТО КАКОЕ!

Строило интеллигентную речь с умышленно уличным акцентом. Были и попытки рвануть на груди импортные рубахи [FSO. F. 01-173].

Горенштейн избегает упоминания фамилий: это описание не конкретных личностей, а всей «прослойки». Однако в записных книжках писателя можно найти похожий фрагмент с упоминанием фамилий присутствовавших. Так, восклицание «Братцы! Горе-то какое!» принадлежало известному режиссеру и сценаристу Станиславу Ростоцкому⁶. Попытка порвать «импортную рубаху» тоже здесь описана:

Атмосфера истерии и кликушества. Что-то вроде похорон Сталина или Хорста Веселя⁷. Тарковский ревел и рвался к микрофону. Я слышал, что Тарковский хотел разорвать до пупа рубаху. Только для этого надо было тельняшку под низ одеть [FSO. F. 01-173].

Василий Шукшин и Андрей Тарковский учились вместе во ВГИКе, так что присутствие Тарковского на похоронах естественно. Отсутствие упоминания Тарковского в некрологе тоже, кажется, вполне понятно: двумя годами ранее Тарковский и Горенштейн вместе работали над фильмом «Солярис», и если бы писатель привел фамилию режиссера, это пресекло бы возможность дальнейшего сотрудничества.

В заключение следует отметить: вопроса о том, как так называемый «Некролог» стал известен друзьям и исследователям биографии Василия Шукшина, все еще открыт. Вряд ли оригинальный текст очерка был на-

⁶ Ростоцкий Станислав Иосифович (1922–2001) – режиссер и сценарист. Автор фильмов «Дело было в Пенькове» (1957), «Доживем до понедельника» (1968), «А зори здесь тихие» (1972) и др.

⁷ Хорст Вессель (1907–1930) – нацист, автор слов гимна Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Погиб от рук немецких коммунистов, стал легендарным мучеником нацизма.

меренно сокращен кем-то из круга Шукшина и обнародован в 1970-е гг. Вероятно, Фридрих Горенштейн сам сократил первый вариант очерка «Алтайский воспитанник московской интеллигенции (вместо некролога)» и распространил его в самиздате (как утверждает Анатолий Заболоцкий). Логика подобного сокращения из изложенного выше становится очевидна. В краткой версии, озаглавленной «Вместо некролога на смерть Василия Шукшина», в центре внимания находится фигура писателя и его творчество. Пространная версия из архива – текст, который ставит диагноз всей московской интеллигенции 1970-х гг. Напрашивается еще одно сопоставление. В эссе «Товарищу Маца – литературоведу и человеку, а также его потомкам» Горенштейн пишет, что причиной своих жизненных неудач считает интеллигенцию:

Вообще, большинство моих жизненных проблем создано было не партийной властью, а интеллигенцией, ее безразличием, пренебрежением, а то и враждой. Что такое партийная власть? Слепой молох. А интеллигенция – существо сознательное, зрит в оба, занимаясь искусственным отбором [Горенштейн 1997, 30].

Публикация полного текста очерка навсегда закрыла бы перед Горенштейном двери Союза писателей СССР, куда он мечтал попасть и не понимал, почему Шукшину – можно, а ему – нельзя. В неопубликованных дневниках Горенштейна есть запись, на мой взгляд, исчерпывающе объясняющая очерк на смерть Василия Шукшина.

Я его [Шукшина. – *Примеч. Е. Ф.*] не любил, но не за то, что он был дурной человек с моей точки зрения. Мало ли дурных людей, если на всех тратить силы неприязни, то быстро истощишься. Я не любил его за то, что в нем не было подлинного таланта, но он почитался массой, как подлинный талант. Если бы в нем был талант средний, соответствующий почитанию, я бы ему все простил [FSO. F. 01-173].

АЛТАЙСКИЙ ВОСПИТАННИК МОСКОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (ВМЕСТО НЕКРОЛОГА)⁸

Русская интеллигенция всегда искала повода для народопоклонства, ибо из всех народов только в России такая сама себя неуважающая интел-

⁸ Текст хранится в фонде Фридриха Горенштейна в архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Archive der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen) [FSO. F. 01-173]. Для публикации очерк

лигенция. Здесь, во-первых, отразился национальный характер вообще и положение русской интеллигенции в частности. Положение испокон веков совершенно без власти и на содержании государства, которое ее подкармливало иногда скудно, иногда жирно.

Прямые потомки русской интеллигенции, современная московская интеллигенция унаследовала худшие черты прошлого, утратив лучшие. Ведь лик интеллигентного либерала в прошлом еще как-то подкрашивался исходящим от отдельных мудрецов и праведников светом.

Но праведников давно не стало и последних праведников хоронили уже вовсе без почета. Весь почет на похоронах достался алтайскому приемышу. В этом алтайце московский интеллигент, которому значительное присутствие еврейско-руссофильского элемента придало черты клинического мазохизма, в этом алтайце интеллигент нашел идола, столь долгожданного, а шовинист нашел вождя.

Что же представлял из себя этот рано усопший идол? В нем худшие черты алтайского провинциала, приведенные с собой и сохраненные, сочетались с худшими чертами московского интеллигента, которым он был обучен своими приемными отцами. Кстати, среди приемных отцов были и порядочные, но слепые люди, не понимавшие, что учить добру злодея – только портить его. В нем было природное бескультурье и ненависть к культуре вообще, мужичья, сибирская хитрость Распутина, патологическая ненависть провинциала ко всему на себя непохожему, что закономерно вело его к предельному, даже перед лицом массовости явления необычайному юдофобству. От своих же приемных отцов он обучился извращенному эгоизму интеллигента, лицемерию и фразе, способности искренне лгать о вещах ему не знакомых, понятиям о комплексах, под которыми часто скрывается обычная житейская пакостность. Обучился он и бойкости пера, хоть бойкость эта и была всегда легковесна. Но собственно тяжесть литературной мысли, литературного образа и читательский нелегкий труд связанный с этим, уже давно были не по душе интеллигенту, привыкшему к кино и телевизору. А обывателю, воспитанному на трамвайно-троллейбусной литературе типа «Сержант милиции» читательская веселая праздность всегда была по душе. К тому же умение интеллигента подменять понятия пришлось кстати. Так самонеуважение интеллигента в свое время было подменено совестью по отношению к народу. Ныне искренняя ненависть алтайца к своим отцам в мозгу мазохиста преобразилась в искренность вообще.

И он писал, и ставил, и играл так много, что к концу своему даже надел очки, превратившись в ненавистного ему «очкарика».

Вообще, ему было тяжело. Представляю, как разговаривая с интеллигентом, приемным отцом своим, он помимо слов, которые шли из него легко, ибо учение отцов он усвоил хорошо, помимо слов проделывал тяжелую незримую работу по сокрытию подлинных чувств своих.

Эта тяжелая работа гораздо в большей степени чем водка распатала его сердце. Наоборот, он бежал под спасительную сень Бахуса, чтоб там перевести дух и освободиться от излишней давящей его сердце ненависти. А ненавидел он все и вся. Прежде всего евреев и интеллигентов, это само собой, но кроме того, также и алтайцев, за то, что он оттуда, из отдаленной, незаметной провинции и москвичей за то, что он не оттуда, и мать свою за то, что она родила его без отца, и чужих матерей за то, что других они родили по другому, и прошлую свою бедность он ненавидел, и нынешние свое богатство ненавидел. Но несмотря на то, что ненависть его была столь всеобъемлюща, она в то же время оставалась предельно кухонной и бытовой. Ибо даже в ненависти возможно величие, даже ненависть может стать чувством шекспировским. Но для этого, помимо ненависти, надо обладать благородством, хотя бы в его зачатках. Однако благородства он был начисто лишен. Он не мог привезти его с собой с Алтая и благородству не могла научить его толпа интеллигентов в Москве. Ненависть благородного человека его беда, ненависть неблагородного человека, его порок. Он был искренен, но порочен в своей ненависти и фальшив, но порочен в своем добре. Вообще, надо в понимании этого чувства дойти до полной деградации, чтоб связывать его с алтайцем.

В своих сочинениях алтаец наспиговывал происходящее добром, но добро было риторическим, опытный глаз видит как не любил этой работы автор. Похороны алтайца вылились в манифестацию разных групп, в эклектичное единство. Главное место занимала та основная группа русских националистов по природе своей, которых алтаец обучил национализму по духу. Вторую группу составляли те, кто без духовного роду и племени и получают свой недостаток прямо и косвенно из рук первой группы. Были и случайные глупцы. Были и не случайные негодяи.

И все это кликушествовало искренне или фальшиво, выкрикивало и в микрофон уличные пивные рыдания типа:

– БРАТЦЫ! ГОРЕ-ТО КАКОЕ!

Строило интеллигентную речь с умышленно уличным акцентом. Были и попытки рвануть на груди импортные рубахи.

На похоронах этого человека с шипящей фамилией, которую весьма удобно произносить сквозь зубы, играя по кабацки желваками, московский интеллигент, который Анну Ахматову, не говоря уже о Цветаевой и Мандельштаме, оплакал черезчур академично, на этих похоронах интеллигент уронил еще одну каплю грязи на свою изрядно засаленную визитку. Своим почетом к мизантропу интеллигент ободрил тех, кто

жаждал давно националистического шабаша, но сомневался не потеряет ли он после этого право именоваться культурной личностью.

Те, кто вырывали с корнем и принесли на похороны березку, знали, что делают, но ведают ли, что творят те, кто подпирают эту березку своим узким плечом.

НЕ символ ли злобных темных бунтов, березовую дубину, которой в пьяных мечтал крушил спинные хребты и головы своим приемным отцам алтаец, не этот ли символ несли они. Впрочем, террор низов сейчас часто принимает иной характер, более упорядоченный, официальный и поскольку береза дерево распространенное и символичное, его вполне можно использовать как подпорки для колючей проволоки под током высокого напряжения.

Но московский интеллигент, а это квинтэссенция и современного интеллигента вообще, московский интеллигент неисправим и подтвердил это старик, проведенный за подпорками из отечественных деревьев и отечественной проволокой много лет, а до этого и после этого читавший много философов и прочих гениев человечества – в общем известный, как эрудит.

– ЭТО ГЕНИЙ РАВНЫЙ ЧЕХОВУ, – сказал он о бойком фельетонном перышке алтайца, который своими сочинениями заполнил все журналы, газеты и издательства. Разве, что погромные прокламации его не печатали. Но требовать публикацию данного жанра – значит предъявлять чересчур серьезные претензии к свободе печати.

И когда топча рядом расположенные могилы, в которых лежали ничем не примечательные академики, генералы и даже отцы московской интеллигенции, приютившие некогда непутевого алтайца, когда топча эти могилы, толпа опустила своего пророка в недра привилегированного кладбища, тот у кого хватило ума стоять в момент этого общего шабаша в стороне, мог сказать гляди на все это:

– ТАК НИЩИЕ ДУХОМ ПРОВОДИЛИ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ СВОЕГО БЕСПУТНОГО ПРОРОКА.

Ф. Г.

Москва, октябрь 1974 г.

Источники и литература

Варламов 2015 – *Варламов А.* Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015.

Заболоцкий 2019 – *Заболоцкий А.* Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора. М.: ООО «Издательский дом «Вече», 2019. 272 с.

Заболоцкий 2017 – *Заболоцкий А.* Кому в угоду перелопачивают Шукшина? (О новой книге из серии ЖЗЛ Алексея Варламова – о биографии В. М. Шукшина) // Наш современник. 2017. № 3. С. 266–273.

- Заболоцкий 2019 – *Заболоцкий А.* Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора. М.: Издательский дом «Вече», 2019.
- Лазарев 2005 – *Лазарев Л.* Записки пожилого человека. Книга воспоминаний. М.: Время, 2005.
- Горенштейн 1964 – *Горенштейн Ф.* Дом с башенкой // Юность. 1964. № 6. С. 47–58.
- Горенштейн 1997 – *Горенштейн Ф.* Товарищу Маца – литературоведу и человеку, а также его потомкам // Зеркало Загадок, Литературное приложение, Берлин, 1997. С. 2–57.
- Горенштейн 2019 – *Горенштейн Ф.* Споры о Достоевском. Детоубийца. М.: Время, 2019. 400 с.
- Нагибин 1997 – *Нагибин Ю.* Тьма в конце тоннеля. М.: Независимое издательство ПИК, 1997.

Friedrich Gorenstein and Vasily Shukshin: the Obituary as a Diagnosis

Elena Frolova

HSE University, Saint-Petersburg, Russia

MA student

ORCID: 0000-0002-0857-4071

Abstract. This publication of the previously unknown complete text of Friedrich Gorenstein's obituary for Vasily Shukshin, written in 1974, is accompanied by an introductory article and commentary. The obituary circulated among Moscow's creative elite ("intelligentsia") of the 1970s, but the means of its dissemination remain unclear. At the time, Gorenstein's essay was perceived as an expression of envy toward a more successful colleague. In 1997, the cinematographer Anatoly Zabolotsky, and later, in 2015, the writer Alexei Varlamov, proposed two differing accounts of the obituary's creation. Both of these theories are now called into question following the discovery of Gorenstein's original text, preserved in the archive of the Research Centre for East European Studies at the University of Bremen (Germany). The version of the obituary published by Zabolotsky and Varlamov had long been considered the only complete version. However, in light of the archival text, the previously known version appears to be a collection of fragments where the author's focus is primarily on Shukshin's persona and creative work. Examination of the complete text reveals that for Gorenstein, Shukshin's sudden death served as an impetus to reflect on the state

of Moscow's "intelligentsia" as a social group. The article also incorporates material from Gorenstein's previously unpublished notebooks.

Keywords: Friedrich Gorenstein, Vasily Shukshin, obituary, intelligentsia, archive.

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.07

To cite: Frolova E. V. Friedrich Gorenstein and Vasily Shukshin: the Obituary as a Diagnosis. *Judaic-Slavic Journal*. 2024. № 11-12 (2024). С. 207-223.

Recieved: 25.10.2024. *Accepted:* 02.11.2024.